

"СЫНАМ ТВОИМ ЛИШЬ НУЖНО ЕДИНЕНИЕ..."

Современники считали, что эти строки Байрона импонировали редакторам Науму Осиповичу и Павлу Юшкевичу, задумавшим свой ежемесячный литературный, научный и политический журнал "Объединение" (1918-1920). За три года удалось выпустить лишь пять номеров в промежутках отсутствия в Одессе большевиков. "Возникший в смутное время, когда российская государственность оказалась разгромленной, журнал видит задачу момента в сохранении целостности созданной народами России общей культуры, соединении истинно прогрессивных элементов", — писалось в редакционной программе.

Поразительно, но переживая ужасы войны, смены властей, тяготы быта, авторы журнала не несли своим читателям пессимизма, наоборот, "общий мотив произведений — вера в светлые начала человеческой личности", — отмечали рецензенты.

И это подтверждается в мемуарной литературе. Например, художник и поэт Евгений Окс так вспоминает Одессу 19-го года и свое окружение: "...Это были в большинстве худые юноши, одетые в потертые, военного времени френчи и пиджаки... Если ботинки рвались, над человеком нависала катастрофа, ибо все пределы починки и ремонта были давно превзойдены. Вся "проза" жизни давно уже превратилась в угрозу существования. Это касалось всего. Раньше всего — продовольствия, затем — топлива, потом — одежды, обуви, белья, мыла, освещения и т. д... И вот, несмотря на все это, у всех нас было прекрасное настроение и масса интереса ко всему происходящему... Мы голодали, но были веселы, пьянели от любой еды, но еще более — от стихов, от репродукций картин, от хорошей книги, от предчувствия близкой любви..."

В "Объединении" печатались авторы разных поколений. Произведения зрелых известных мастеров И. Бунина, П. Нилуса, С. Юшкевича, А. Федорова, М. Волошина соседствовали со стихами юных поэтов В. Катаева и А. Адалис, уже сумевших привлечь к себе внимание собратьев по перу.

Публицистика Н. Осиповича, П. Юшкевича, Д. Овсянико-Куликовского стремилась представить рациональную организацию политической и общественной жизни, трезво понимая обреченность большевистской идеи. Авторы также надеялись на эмоциональное влияние известных, активно читаемых тогда авторов — Э. Ростана, Э. Верхарна, Г. Гауптмана, Р. Тагора.

Мы предлагаем вашему вниманию рассказ П. Нилуса "Яблочко", опубликованный в журнале в 1920 г., когда автор уже эмигрировал из страны. Много одаренный художник и литератор Петр Александрович Нилус (1869-1943) был высоко оценен И. Буниним, А. Дерибасом и другими современниками, отмечавшими в его литературном творчестве "тонкий художественный вкус, интеллигентность, спокойную мудрость, идущую от школы Чехова. От его рассказов, — писалось в рецензии, — веет настоящим талантом, несколько неусовершенствованным, но все же очаровательным..."

Татьяна ЩУРОВА



Валентин Катаев. 1916 г.

Прозрачность.

Коснуться рук твоих не смѣю,
А ты любима и близка.
Въ водѣ, какъ золотыя змѣи,
Скользятъ огни Кассіопеи
И проплываютъ облака.
Коснуться берега не смѣть,
Журча, послушная волна,
Какъ море, сердце пламенѣть,
И въ сердцѣ ты отражена.

Валентинъ Катаевъ.

Полдень у моря.

Полдень дремлетъ въ алмазныхъ горячихъ лучахъ.
По кустамъ и деревьямъ жемчужная пыль
Золотится и таетъ на сонныхъ листахъ,
У обрыва застылъ посѣрѣвшій ковьель.

Вдоль по берегу лодки небрежно стоятъ,
Пестрой краской играя, кругомъ — ни души...
Море дышетъ лѣнливо... и въ сонной тиши,
Издалека несясь, звуки пѣсни дрожать...

Алексѣй Борисовъ.



Аделина Адалис

* * *

Разрѣзавъ розовый арбузъ
И хлѣбъ, сквозѣ губки темной,
Я подымаю кубокъ скромный
За девять благосклонныхъ музъ.
Ахъ, долги лѣтнія дороги
И тяжело любить свой кровь,
Пока въ одеждѣ пастуховъ
Кочуютъ изгнанные боги!
Увы, изгнанники, — для васъ
Лишь я дерзаю въ полдень дымный
Слагать ямбическіе гимны,
Надъ пищей скудную склонясь!
Вы далеко... но знаю я,
Что дѣти, отроки и жены
Внимаютъ пѣснямъ въ полдень сонный
И долго помнятъ затая,
Что станутъ дѣти — міръ имъ новъ, —

Хмѣлѣя встрѣчею возможной,
Смотрѣть пытливо и тревожно
Въ глаза бродячихъ чабановъ;
Что станутъ дѣвушки рукой,
Пропахшей гарью и навозомъ,
Подкладывать голоднымъ козамъ
Цвѣты изъ рощи заревой!
Когда жъ нальется виноградъ
И загоритъ, какъ лучъ осенній,
Немало странныхъ приключеній
Нашъ край убогій озарять:
Веселье, страшное инымъ,
И шумъ, несслыханный дотолѣ,
Подыметъ молодежь на волѣ
Надъ виноградомъ золотымъ!..
Но въ праздникъ сѣва и даровъ
Да превратится праздникъ сбора,
Да уродятся дѣти скоро
Не въ матерей и не въ отцовъ, —
Стройнѣй, чѣмъ яростный анисъ,
И гибче нѣжной повилики,
Внимательны и яснолики,
Кудрявые, какъ Діонисъ!

Аделина Адалис



П.А. Нилус
Рисунок Л.О. Пастернака

„Яблочко“.

— Это вы, Федотъ Николаевичъ? — услышалъ Баклановъ въ телефонной трубкѣ фистулу Васюкевича.

— Я. Ну, рассказывай, что наварилъ, напекъ.

— Такъ, кое что...

— Ну, ну?

— Филей самолично зажарилъ, какъ вы любите, — со шпикомъ и чесночкомъ. Жена приготовила паштеть изъ куриной печеночки, на гусиномъ салѣ... Помните, вы ужинали у насъ — хвалили?

У Бакланова брызнула слона во рту.

— Ливерная колбаса къ селедкѣ. А селедка — прямо масло! Десять рублей даль... Слышите, гдѣ-

то ухнуло? Какъ будто изъ пушки...

— Нѣтъ, это бомбу взорвало. Вотъ, сукины сыны!

— Такъ сейчасъ, Гриша, и выходи, поѣздъ уходитъ черезъ часть, пожалуй, опоздаемъ...

Капитанъ Баклановъ пригласилъ къ себѣ на дачу Васюкевича, буфетчика съ парохода, на которомъ они плавали много лѣтъ, отдохнуть отъ большевиковъ, обысковъ, налетовъ...

Баклановъ одѣлся, хотѣлъ проститься съ женой, но она только сердито покосилась на него и не отвѣтила.

— Да перестань фансонъ держать, ничего не будетъ со мной до самой смерти.

— Возьми, спрячь часы...

Баклановъ вышелъ во дворъ и увидѣлъ, что отъ воротъ быстро, неуклюже, по утинуму, шла блѣдная толстая женщина; на ея плечи сползала съ головы шаль.

— Не ходите на улицу — матросы идутъ! — крикнула она.

Баклановъ не обратилъ на нее вниманія.

Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, съ большой черной, крашенной бородой, крѣпкимъ прямымъ, небольшимъ носомъ, выпуклыми блестящими глазами. Онъ былъ въ драповомъ форменномъ пальто и англійскомъ каскетѣ.

У воротъ толпились испуганные жильцы, прохожіе, забѣжавшіе съ улицы, подомовая охрана.

Чинovníкъ съ огромными усами пялилъ круглые глаза и рассказывалъ о томъ, что за угломъ солдаты грабили лавку на глазахъ милиціи.

Баклановъ на минуту остановился, послушалъ и вышелъ на улицу.

Гдѣ-то зашелкали выстрѣлы, и прохожіе начали бросаться въ первые попавшіеся дворы; но успокоившись, оглядываясь, они продолжали свой путь.

Была сѣрая вѣтренная погода безснѣжной южной зимы, чувствовалось солнце за порозѣвшими облаками, обложившими западь.

Васюкевичъ, румяный, толстый, коротенькій, чисто выбритый, въ короткой шубкѣ, поджидаль Бакланова у подъѣзда своего дома. Онъ курилъ трубочку, держа въ обѣихъ рукахъ корзины съ провизіей. Около него стояла его жена въ старой тальмѣ на мѣху и говорила:

— И выдумали люди въ такое время ѣхать! Обдираютъ, на людяхъ снимаютъ сапоги, а они съ провизіей, въ хорошихъ полтахахъ...

— Оттого и ѣдемъ, что у васъ тутъ скверно, — сказалъ Баклановъ и взялъ у Васюкевича корзину, — засядемъ на дачѣ и зазимуемъ, правда, Гриша?

— А гдѣ-же вашъ товаръ? — сказалъ Васюкевичъ.

— На хуторѣ — тамъ у меня всего много.

— Можеть ни кола, ни двора не осталось отъ вашего хутора, — тараторила жена Васюкевича. — Я буду рада, если отымутъ у васъ страву и въ дуракахъ вернетесь...

Баклановъ и Васюкевичъ ѣхали на извозчикѣ, Васюкевичъ чувствовалъ себя скверно, хотѣлось вернуться... Гдѣ-то трещали пулеметы.

— Ну-жъ и времена! — сказалъ Васюкевичъ, сплевывая.

— Перемелется — мука будетъ, — сказалъ Баклановъ. Всюду, по дорогѣ къ вокзалу, среди загаженныхъ навозомъ мостовыхъ, неметенныхъ панелей, толпились у воротъ или шли взволнованные люди, проѣзжали на грузовикахъ вооруженные красноармейцы, матросы съ винтовками, револьверами на готовѣ, съ такимъ видомъ, какъ-бы каждую минуту ждали нападенія. На перекресткахъ стояли вооруженные, посинѣвшіе отъ холода подростки — мастеровые, солдаты. Кое-гдѣ были на спѣхъ сложены баррикады, поставлены пулеметы, орудія.

Лучше всѣхъ чувствовали себя на улицѣ извозчики, женщины, молодя дѣвушки и студенты.

У перрона тянулся безконечный поѣздъ, переполненный солдатами, ихъ вещами; многіе устраивались на крышахъ вагоновъ; на платформѣ толпились и лежали на сундукахъ, мѣшкахъ солдаты, среди грязи, сора. Окна поѣзда были перебиты, черезъ нихъ подавались вещи, пролѣзали пассажиры.

Знакомый начальникъ станціи разрѣшилъ Бакланову и Васюкевичу ѣхать въ служебномъ вагонѣ, въ который они едва протиснулись.

— Я хозяинъ, — сказалъ Баклановъ, — не могу видѣть безпорядка. Ваша взяла — очень хорошо! Но зачѣмъ-же все обгаживать, ломать? Ваша взяла — держись, зубами держись — такъ нѣтъ-же! — Баклановъ крѣпко выругался. — Вѣдь, тебѣ-же, сукину сыну, достанется, никому другому...

Вагонъ дернуло, и поѣздъ медленно тронулся. Стало душно, задымилась папиросы. Пассажиры, размѣстившіеся на диванахъ, вѣщахъ, столѣ, стоявшемъ посреди служебнаго ва-

гона, крѣпко держались за свои мѣста, боясь, что ихъ займутъ другіе, тѣ, которые стояли въ проходахъ вплотную, дышали другъ другу въ лицо, курили, громко разговаривали, ссорились. Быстро наступили сумерки, огня не было, только отъ времени до времени вспыхивали спички, красные огоньки папиросъ. Отъ сотрясеній спустилось испорченное окно, и сразу въ вагонѣ облегчился воздухъ, стало прохладно, и было слышно, какъ въ поѣздѣ орали пѣсни, не смотря на шумъ колесъ, лязгъ рельсовъ.

— Будто разбойничій поѣздъ! — сказали Васюкевичъ, стоявшій у окна.

— Скоро всѣ мы будемъ разбойниками, — сказала Баклановъ, — если мы будемъ сидѣть овцами, то и насъ ограбятъ навѣрняка... Лучше мы сами обдеремъ разбойниковъ...

Васюкевичъ засмѣялся, набилъ трубочку, закурилъ; но тревога за будущее не покидала его. Онъ вспомнилъ, что спрятали въ боченокъ съ масломъ двѣсти золотыхъ и, по глупости, сказали объ этомъ женѣ; деньги лежали въ государственномъ банкѣ — это было тоже опасно.

Баклановъ вначалѣ былъ спокоенъ, но и его огорчало многое; жена не захотѣла проститься — это пугало. Правда, она была увѣрена, что онъ на дачу ѣдетъ не съ Васюкевичемъ, а съ Матрешей, своей любовницей, какъ это бывало уже не разъ, но и Матреша наканунѣ подняла скандалъ, не хотѣла его отпустить.

— Глупыя бабы, не понимаютъ нашего мужчинскаго дѣла, — сказала Баклановъ, — мнѣ просто не въ терпѣе стало дома сидѣть.

Васюкевичъ подумалъ, что бабы правы, но ничего не отвѣтилъ.

Въ шестомъ часу, Баклановъ и Васюкевичъ сошли на станціи; было такъ тѣсно въ проходѣ, что Васюкевичъ едва не остался въ поѣздѣ.

Была уже ночь, дулъ сильный вѣтеръ. Начальникъ станціи, небольшого роста, сухой, жиливатый человекъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ, слушалъ, какъ Васюкевичъ рассказывалъ о городскихъ новостяхъ и, когда узналъ о томъ, что на "Алмазъ" разстрѣливаютъ и топятъ офицеровъ, скрикнулъ зубами, и его смуглое лицо съ болѣзненно блестящими глазами сдѣлалось страшнымъ.

— Клянусь Богомъ, — сказалъ начальникъ, — если не убью десяти разбойниковъ, покойно не умру! Съ тѣхъ поръ, какъ замучили Сашу и умерла жена, и я сталъ звѣремъ — уже четыре на совѣсти... Мнѣ теперь все равно... — и онъ, трясясь отъ негодованія, рассказалъ, какъ убили его сына, какъ отъ горя умерла жена...

Они стояли у свѣтящагося окна телеграфной комнаты; Баклановъ смотрѣлъ, въ глубоко сидящіе, ненавидящіе глаза начальника похожіе на маслины, съ желтоватыми бѣлками, окруженными темно-коричневыми кругами, и думалъ, что онъ говоритъ правду — такой человекъ могъ убить.

— Зачѣмъ вы пріѣхали? — сказалъ начальникъ, помолчавъ.

— Отдохнуть, — сказалъ Васюкевичъ, сплевывая. — Хорошъ отдыхъ, матери его чортъ! Останемся на станціи...

— Идемъ, Василій Ивановичъ, ко мнѣ ужинать, — сказалъ Баклановъ.

Начальник, давно живший впроголодь, согласился:

— Так вот что: обождите меня, вот у той будки, что за семафором. Я вас догоню.

Бакланов взял корзину у Васюкевича и пошел платформой, потом вдоль путей. Вдали горел зеленый огонек. Вѣтер был попутный, Бакланов шел быстро, Васюкевич отставал от него и каждый раз вздрагивал, когда то здѣсь, то там раздавались выстрѣлы. Въ телеграфных столбах гремѣли оркестрами проволоки, какъ-бы неся съ собой жуткую тревогу, охватившую мѣръ.

Васюкевич со страхомъ вспоминалъ то, что говорилъ начальник, и не вѣрилъ ему.

Луна то глубоко пряталась за облаками, то злобѣющимъ окомъ выглядывала, и тогда налетавшіе на нее прозрачныя облака окрашивались оранжевыми дугами.

Сзади кто-то быстро шел, Васюкевич оглянулся, увидѣлъ солдата и заоралъ:

— Федотъ Николаевич, Федотъ Николаевич!

Баклановъ остановился и вынулъ револьверъ.

— Это я! — крикнулъ начальникъ.

Онъ теперь былъ съ бородой, въ солдатской шинели и съ винтовкой за плечами.

— Вотъ какъ я охочусь за ними! — сказалъ.

— Какъ-же такъ убивать зря? — пробормоталъ Васюкевичъ, все не вѣря начальнику.

Они свернули отъ сторожки, у которой былъ переѣздъ, и пошли по плотно наѣзженной дорогѣ, среди жнивьевъ, мѣстами запорошенныхъ снѣгомъ.

Вдали темнѣли сады, сухо обозначались кровли домиковъ, среди которыхъ возвышалась двухэтажная дача Бакланова съ башенкой. Ряды плотныхъ тучъ, оставляя просвѣтъ надъ садами, казалось, медленно тянули на себѣ, слѣва на право, горы облаковъ, и вся эта живая громада двигалась надъ горизонтомъ.

Теперь вѣтеръ дулъ въ лѣвую щеку. Васюкевичъ поднялъ воротникъ, смотрѣлъ на спины Бакланова и начальника, которые шли невдалекѣ отъ него, и думалъ о тѣхъ счастливахъ, которые не только сами не боятся, но страшны другимъ.

Баклановъ рассказывалъ начальнику о суднѣ, на которомъ плавалъ, къ которому привыкъ, какъ къ своему дому. Оно теперь стояло въ порту съ испорченной машиной, въ грязи, ржавчинѣ.

— Подумайте — прямо какъ бы выгнали! Я для нихъ буржуй, — говорилъ Баклановъ, прижимая къ узкому воротнику щеку; бороду его трепалъ вѣтеръ, относя вправо. — Что теперь дѣлать? Уѣхать въ Америку, Англію, какъ другіе, — не могу. Жаль дочерей, внуковъ...

Онъ сбивчиво объяснялъ, что хотя все и разваливается и всюду была одна обида, безпорядокъ, непонятное чувство новой жизни оживляетъ, молодитъ его сердце...

— Видите свѣтъ? — сказалъ начальникъ. — Вотъ тутъ каждый вечеръ идетъ пьянство. Вашъ Степка — первый запѣвалъ.

Они подошли къ небольшому домику, дрожавшему отъ дикой пѣсни, уханья, топота.

— "Яблочко" поюгь! — сказала Васюкевичь. — Теперь ужь мерселезы ни одна собака не воеть.

Они подошли къ окну. Все синѣло въ дыму, изъ-за грязныхъ стеколь мелькали красныя, потныя лица. Взявшись за плечи, парни и дѣвки кружили вокругъ стола и отчетливо слышалось за окномъ каждое слово:

Эхъ, яблочко, ты видомъ кругленько,
Ой, мамочка, жить стало трудненько!..

Пѣсня въ своемъ порывистомъ ритмѣ нарастала и падала, казалась то грустной, то страшной, то безудержно веселой, плясовой.

— Это я понимаю! — сказали Баклановъ, глядя черезъ окно, почуявъ вдругъ близость къ тому народу, изъ котораго вышелъ, почуявъ радость разгула, сладость забвенія пьянаго сердца, не боявшагося завтрашняго дня, за веселый мигъ готоваго отдать все.

— Идемъ, идемъ! — шепнулъ Васюкевичь. — Еще выйдуть — пропали мы.

Залаяла собака, подхватила другая. Они осторожно вышли за ограду деревяннаго домика.

— Плохо намъ будеть... — сказалъ Васюкевичь.

— Да поди ты къ черту со своимъ карканьемъ! — сказалъ Баклановъ съ досадою.

Они подошли къ дачѣ, съ башенкой, оканчивавшейся мачтой съ реями и вымпеломъ. Калитка была открыта, вѣтеръ гулялъ по вершинамъ молодыхъ тополей, окружавшихъ дачу.

— Вы подождите у террасы, — сказалъ Баклановъ и пошелъ къ домику, въ которомъ слабо свѣтилось окно.

Марья, жена садовника, широкая коренастая баба, шла за Баклановымъ и жаловалась на мужа:

— Женщина я неопытная, не особенно умная, всѣ у насъ тутъ митингуютъ, я ничего не понимаю... Говорю: иди печи топить — хозяинъ приѣзжаетъ, а онъ ругается. Сама печи истопила, помыла полы...

Когда они вошли въ домъ, на нихъ пахнуло теплой сыростью. Пахло известью, мышинымъ пометомъ, тюфяками, набитыми морской травой. Они вошли въ столовую, за ними отъ свѣчи двигались огромныя тѣни по полу, пустымъ бѣлымъ стѣнамъ.

— Гдѣ царскій портретъ? — сказалъ Баклановъ.

— Не знаю, баринь, не знаю... Степка не впускалъ — дали ему и мнѣ по шеѣ... забрали вино, выкололи царю глаза.

— Ну, будетъ онъ мнѣ помнить Кузыну мать! — Иди ставить самоваръ, да смотри мнѣ... и ты хороша!

Баклановъ, ругаясь, взявъ свѣчу, вошелъ въ спальню, осмотрѣлъ постели, прошелъ въ кухню, а оттуда въ кладовую.

— Все вино забрали, — сказалъ онъ, возвращаясь, — отчего вы не раздѣваетесь?

— Да, можетъ, прїидется идти обратно, — сказалъ Васюкевичъ, сидѣвшій въ шапкѣ у стола.

— Обратно никуда мы не поидемъ... И набыю-же я морду Степкѣ!

Васюкевичъ удивился, что Баклановъ и ругался и угрожалъ какъ-то спокойно, безъ злости.

— Я какъ-бы зналъ, захватилъ таки бутылку, — сказалъ онъ.

— Мо-ло-децъ! — сказалъ Баклановъ, досталъ посуду, ножей, вилочъ.

Васюкевичъ принялся выкладывать на холодныя тарелки провизию, и они начали закусывать.

— Я этихъ паршивцевъ понимаю, — говорилъ Баклановъ, оживляясь отъ водки. — Мнѣ одинъ турокъ разсказывалъ сказку про чорта, который цѣлый годъ ѣздилъ на спинѣ арапа... Арапъ терпѣлъ, терпѣлъ и все думалъ: какъ-бы избавиться отъ анафемы и перехитрилъ таки чорта — самъ забрался къ нему на загривокъ и чуть не заѣздилъ до смерти.

— Мы, интеллегенція, — сказалъ Васюкевичъ, — похитрѣе будемъ мужика, не долго имъ прїидется куражиться.

— "Эхъ, яблочко, куда котисься? На "Алмазь" попадешъ, не воротисься..." — неожиданно запѣлъ Баклановъ басомъ.

Васюкевичъ широко раскрылъ голубые глаза и плюнулъ.

— Какъ вамъ не совѣстно, Федотъ Николаевичъ, пѣть эту гадость, — сказалъ онъ, по южно-му произнося "га". — Какъ-же такъ, обкладовали ихъ матерными словами, а теперь хвалите?

— Что-жъ, молодцы! — Терпѣли, терпѣли, да и взялись за умъ. Попировали мы на своемъ вѣку — и шабашъ! Пора пришла арапу пановать. Насъ всѣхъ помеломъ разгонять, перевѣшаютъ на фонаряхъ — что-жъ, можетъ такъ и нужно. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно все развалить и начать строить съизнова...

— Кто-то идетъ, ей Богу, идетъ! — сказалъ Васюкевичъ, прислушиваясь, блѣднѣя.

Начальникъ положилъ возлѣ себя винтовку, Баклановъ опустилъ руку въ карманъ, въ которомъ былъ револьверъ.

Вошелъ Степанъ въ солдатской шинели и папахѣ. У него лицо было красно, глаза мутны. Онъ угрюмо молчалъ.

— Шапку скинь, невѣжа! — Кто тебя, свинью, лечилъ на лиманѣ, кто три года жену съ дѣтми кормилъ? И за все, вмѣсто благодарности, воровать?

— Я что? Развѣ я хотѣлъ? — сказалъ Степанъ, снимая папаху.

— Пошелъ вонъ, выпись!

— Я не собака...

— Что-о-о! Вонъ!

— Ради Христа, поругайте его еще! — завыла Марья, входя съ кипящимъ самоваромъ. У нея подъ глазомъ былъ свѣжій синякъ. — Связался здѣсь съ грабителями, научили его пить, гулять съ дѣвками...

Марья поставила самоваръ на столъ и, проходя мимо Степана, неожиданно ткнула его кулакомъ въ лицо. Степанъ пошатнулся, вышелъ за Марьей, и тотчасъ изъ передней вырвался неистовый визгъ.

— Своя рука — владыка, — сказали Баклановъ, — а все-таки безъ вина не могу..

Онъ пошелъ въ кладовку и вернулся съ потайнымъ фонарикомъ, корзиной и сказалъ:

— Посидите, я сейчасъ... — и вышелъ.

— Хорошо еще, что Федотъ Николаевичъ не билъ Степку, — сказалъ Васюкевичъ.

— Да, — сказалъ начальникъ. — Только вы не бойтесь, насъ не тронуть. Бакланова здѣсь боятся, тяжель на руку.

Васюкевичъ обрадовался — онъ понялъ, что и начальникъ волнуется также, какъ и Баклановъ.

— Зачѣмъ вы сидите при бородѣ? — сказалъ онъ ухмыляясь, закуривая.

— Вы уѣдете, а я останусь, пойдуť говорить всякую чепуху..

— Боятся, — подумалъ Васюкевичъ, — такіе же и они, какъ мы, грѣшные..

Баклановъ вышелъ, глубоко вздохнулъ морознымъ воздухомъ. Къ нему подбѣжала сука, похожая на волка, лизнула руку, заскулила.

Шумѣло въ тополяхъ, въ чистомъ небѣ — тучъ уже не было — ущербленная луна стояла еще высоко надъ горизонтомъ. Баклановъ осматрѣлъ съ гордостью свой крѣпкій домъ. Потомъ пошелъ дорогой, усыпанной гравіемъ, среди невысокихъ фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ имъ вмѣстѣ съ женой, и съ нѣжностью подумалъ о красавицахъ дочеряхъ, о внучатахъ, бѣгавшихъ прошлымъ лѣтомъ по дорожкамъ сада. Вспомнилась Матреша, которая такъ страстно не хотѣла, чтобы онъ ѣхалъ на дачу, и стало на минуту страшно; но все прошло, уступая довольству пьянаго благополучія.

— Хорошо! — сказали Баклановъ, глядя на знакомыя звѣзды, дрожавшія среди шевелившихся вѣтокъ деревьевъ и казавшіяся на берегу другими, чѣмъ въ морѣ. Весной онъ собственноручно обмазалъ стволы яблонь и грушъ известкой, никогда не обращалъ на нихъ вниманія и удивлялся почему они кажутся теперь такими красивыми среди полумрака, почему деревья, домъ кажутся живыми и близкими, такими же какъ дочки, Матреша. Въ октябрѣ онъ пріѣзжалъ сюда съ ней, они закопали деньги въ цинковомъ запаянномъ ящикѣ, спрятали вино въ колодцѣ водомѣра..

Баклановъ отсчиталъ отъ крана водопровода, въ глубь аллеи, двѣнадцать шаговъ, да одиннадцать отъ того мѣста вправо, нащупалъ деревянную крышку люка, пріоткрылъ стѣнку потайного фонаря, присѣлъ на корточки, финскимъ ножомъ приподнял крышку и началъ вынимать бутылки въ соломенныхъ чехлахъ и безъ чехловъ. Потомъ присыпалъ люкъ землей, листьями и пошелъ въ домъ, испытывая чувство хозяина, готовящаго гостямъ неожиданно хорошее угощеніе.

Начался пиръ.

Баклановъ и хвалилъ и ругалъ большевиковъ, его пьяное сердце то возмущалось безпо-

ряд-комъ, то наливалось смутной радостной надеждой. Чудилась Матреша, нѣжная и ласковая, ея огромные цыганскіе глаза, и никогда еще жизнь не представлялась ему дороже и краше. Опять вспомнились дочки, и онъ началъ рассказывать о томъ, что ихъ мужья пропали безъ вѣсти.

— Онъ въ меня — у нихъ такая же распутная костка — уже нашли себѣ мужей и такихъ молодцовъ, что просто чудо! — А хозяйки какія!

Хотѣлось рассказать о Матрешѣ, но было неловко — начальникъ засматривался на нее, Васюкевичъ открыто завидовалъ ему и позволялъ себѣ дѣлать непристойныя замѣчанія на ея счетъ. Подступила радость къ сердцу. Баклановъ блеснулъ глазами, всталъ.

— "Эй, яблочко, куды котишься"? — запѣлъ онъ, поднялъ высоко руки надъ головой и пошелъ плясать, притоптывая: — "На "Алмазъ" попадешь — не воротишься"!

— Гриша, за мной! Хорошо, хорошо! — выкрикивалъ онъ.

Васюкевичъ всталъ, засмѣялся и началъ выкидывать ногами, пѣть, поймалъ плечо Бакланова, и они начали кружить вокругъ стола.

Отъ того, что они давно не веселились, громко не смѣялись, разгорѣлась кровь и пришелъ восторгъ, чаще всего освѣщающій бѣдную жизнь людей черезъ вино.

Начальникъ сидѣлъ молча, холодный, злой — его не бралъ хмѣль.

— Хорошо! — выкрикивалъ Баклановъ.

Васюкевичъ началъ было казачка и съ хохотомъ повалился на полъ, безъ видимаго желанія подняться.

Начальникъ, услышавъ за окномъ шумъ, вздрогнулъ, повернулся къ окну. За ставнями отъ тупого удара со звономъ посыпались стекла.

— Отвори! — раздался грубый взволнованный голосъ. — Телеграмма! — выкрикнулъ другой и расхохотался.

Входную дверь начали рубить топоромъ, стекла въ столовой разсыпались въ дребезги.

— Идемъ на верхъ, — сказалъ Баклановъ твердо, но измѣнившимся голосомъ, — оттуда мы ихъ по одиночкѣ спустимъ!

Они быстро поднялись по скрипучей деревянной лѣстницѣ; пролетъ ея былъ слабо освѣщенъ заходившей луной. Внизу орали, хохотали, и весь домъ, казалось, наполнился криками, шумомъ и звономъ.

Баклановъ и начальникъ превратились въ автоматовъ и дѣйствовали согласно, безъ словъ. Они открыли ставни въ большой комнатѣ второго этажа, придвинули къ открытой двери, выходящей на лѣстницу, комодъ, навалили на него стульевъ, тюфяковъ и замерли въ ожиданіи, приготовивъ оружіе.

Васюкевичъ стоялъ съ табуретомъ въ рукѣ. Страхъ у него прошелъ, смѣнившись злобой, жадной мести за себя, за начальника и особенно за то, что въ самую сладкую минуту былъ прерванъ ужинъ.

Шумъ тяжелыхъ шаговъ, голоса приближались.

— Стрѣлять по очереди. Я первый. — сказалъ начальникъ и крѣпко сжалъ зубы.

Степанъ поднимался съ винтовкой, за нимъ — въ бараньей шапкѣ неуклюжіи парень; зади его показалась голова солдата...

— Сволочь, буржуи! — ревели внизу.

Начальникъ скрипнулъ зубами, нацѣлился — брызнулъ огонь изъ ствола, рѣзко щел-куль выстрѣлъ, и Степанъ повалился навзничь, увлекая за собою по лѣстницѣ парня.

Голоса внизу загалдѣли, заорали.

Началась ссора, и скоро шумъ, голоса, ругань, начали затихать.

Прошла томительная минута.

— Я пойду внизъ, — сказалъ Васюкевичъ, тамъ я поставилъ подъ стулъ бутылку — такъ скучно ждать смерти...

— Обожди немного, — сказалъ сердито Баклановъ.

Васюкевичъ закурилъ, крѣпко выругался и началъ безопасно спускаться внизъ. Когда онъ былъ на послѣднемъ маршѣ, хлопнулъ, словно бичъ, выстрѣлъ, и онъ грузно свалился.

Баклановъ и начальникъ переглянулись. Во дворѣ выла собака. Было такъ тихо, что они слышали какъ колотились ихъ сердца.

— Я осмотрю съ крыши дворъ, — сказалъ начальникъ и по узкой лѣсенкѣ прошелъ на чердакъ, вылѣзъ черезъ слуховое окно на скользкую, холодную черепичную крышу и при-таился за невысокимъ фронтономъ.

Внизу прошелъ солдатъ, оглядываясь на окна.

Начальникъ подождалъ нѣсколько минутъ, сомнѣваясь, что оставленъ лишь одинъ человекъ, и вернулся черезъ слуховое окно обратно.

— Оставили часового, — сказалъ онъ, — а гдѣ-же другой, который стрѣлялъ въ вашего пріятеля?

— Внизу никого нѣтъ, я туда спускался. Грищу, бѣднягу, ахнули на поваль, сказалъ тихо Баклановъ.

Они условились вылѣзть вмѣстѣ на крышу и, обойдя ее, сойтись, на случай бѣгства, въ тѣневой ея части, къ которой примыкалъ навѣсъ веранды.

Морозило. Багровая огромная луна стояла надъ горизонтомъ, распуская на окрестность, далеко видимую съ крыши, свѣтящійся красноватый тюль, шумѣли, пригибаясь, вершины молодыхъ тополей, похожихъ на метлы; выла собака у сторожки Степана... Ни смущенія, ни тревоги не было въ природѣ, точно все, что совершалось на тысячи версть въ округѣ, было естественно и нужно.

Изслѣдовавъ крышу ползкомъ, Баклановъ и начальникъ встрѣтились на ендовѣ, крытой желѣзомъ.

Начальникъ сказалъ шепотомъ:

— Вотъ дурачье, поставили одного сторожить...

— Куда-же дѣлся второй?

— Ушел, должно быть, только не думаю, — сказала начальник и залегла вместе с Баклановым за фронтоном, в ожидании караульного, нацеливаясь на разные предметы.

Когда в сумракъ тѣни, тянувшейся отъ дома, появился солдатъ, безопасно переваливавшійся на кривыхъ ногахъ, — вспыхнулъ языкъ пламени, раздался сухой выстрѣлъ и часовой, зашатавшись, упалъ. Къ нему изъ за дома бросился другой, съ винтовкой наготовѣ. Онъ съ беспокойствомъ оглядывался, держась у стѣны.

Баклановъ выстрѣлили и промахнулся. Тотчасъ выстрѣлили и солдатъ и почти одновременно, выронивъ изъ рукъ винтовку, упалъ отъ пули начальника и началъ стонать.

Лаяли, выли собаки, въ остромъ морозномъ воздухѣ звонко раздавались шаги, голоса приближавшихся людей.

Баклановъ и начальникъ быстро перелѣзли черезъ фронтоны, сошли на деревянную крышу террасы и спустились по ея столбамъ на землю, путаясь въ виноградныхъ лозахъ.

Они опростометь бросились въ садъ, пробрались до стараго подгнившаго забора, свалили его и скрылись въ чащѣ.

Постояли, послушали, осмотрѣлись.

У дачи Бакланова орали, ссорились, шелкали выстрѣлы и четко трещалъ пулеметъ, точно кто туго по рѣшеткѣ проводилъ палкой.

Они вышли изъ чащи, направились къ дорогѣ, и, услышавъ голоса, бросились въ холодную канаву,

Мимо нихъ торопливо пробѣжало нѣсколько человекъ.

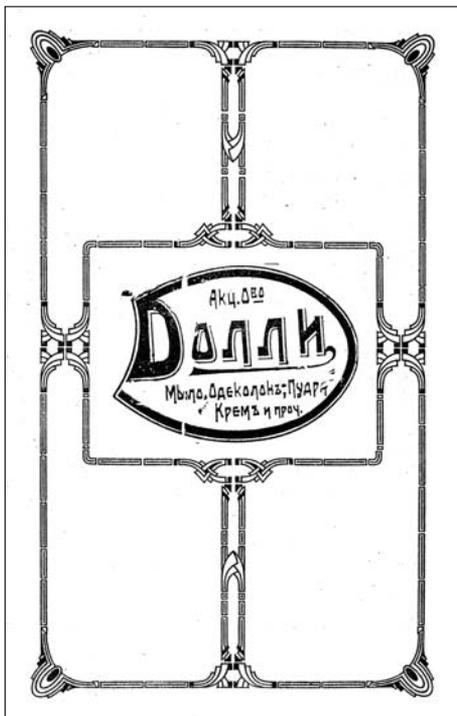
— Идемъ, что-ли? — сказалъ Баклановъ.

— Пусть сядетъ луна, — сказалъ начальникъ, — ждать недолго...

Баклановъ шумно вздохнулъ и сказалъ:

— Пропала дача, спать! Хоть-бы капля водки для куражу...

— Трехъ уложилъ, — сказалъ начальникъ, помолчавъ, — еще трехъ и шабашъ! — Онъ



**РУССКОЕ
СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО**

ПРИНИМАЕТЪ СТРАХОВАНІЯ:

ОТЪ ОГНЯ,

НЕДВИЖИМЫХЪ и ДВИЖИМЫХЪ
ИМУЩЕСТВЪ, ТОВАРОВЪ, ФАБРИКЪ
и ЗАВОДОВЪ,

ТРАНСПОРТОВЪ

МОРСКИХЪ и СУХОПУТНЫХЪ и

СУДОВЪ.

Окружная Инспекція О-ва помѣщается въ Одессѣ, по
Преображенской улицѣ, въ домѣ № 18.

скрипнулъ зубами. — Что они сдѣлали со мной! Сдержу слово — и себѣ пулю въ ротъ, такъ жить, съ такимъ багажемъ, нельзя — я не разбойникъ.

Потемнѣло, но еще были видны, среди красноватаго зарева луны, прутья дереzy, тонкія вѣтви акаціи.

Луна закатилась, и на ея мѣстѣ остался кровавый слѣдъ, точно гдѣ-то далеко былъ пожаръ.

— Идемъ, — сказала Баклановъ, вставая.

Они шли молча по промерзшему жнивью, ровному какъ столъ. Чѣмъ дольше они шли, оцѣпенѣніе чувствъ проходило, они стали замѣчать вѣтеръ, дувшій теперь прямо въ лицо, звѣзды сіявшія по всему небосводу, острые огоньки на станціи. Баклановъ все озирался на свою дачу.

— Тамъ въ канавѣ, въ кустахъ я видѣлъ пустое гнѣздо — такой теперь и мой домъ, — сказала начальникъ. —

Птицы улетѣли и прилетятъ весною, а у меня никого не осталось...

Когда они подходили къ станціи, Баклановъ увидѣлъ пламя подъ своей дачей въ клубѣ сѣро-красноватаго дыма.

Онъ остановился, снялъ каскетъ, перекрестился и сказалъ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ... Слава Богу, хоть живы остались. Жалко Гришу... Повеселился таки предъ концомъ...

Начальникъ спряталъ Бакланова въ сарай, гдѣ стоялъ пожарный насосъ и лѣстницы, принесъ ему два тюка изъ брошеннаго на станціи казеннаго сѣна, солдатскую шинель, шапку и бутылку водки.

Баклановъ разрѣзалъ проволоку на тюкахъ, распустилъ душистое сѣно, выпилъ самогонна, укрылся шинелью. Сразу стало тепло, спокойно. Долго ему мерещилось, что онъ похожъ на собаку, нашедшую неожиданно пріютъ, потомъ онъ тяжело заснулъ. Проснулся онъ въ леденящемъ страхѣ, — теперь ему событія ночи представлялись до того страшными, что онъ, холодѣя, дрожаль всѣмъ тѣломъ; болѣло сердце.

На разсвѣтѣ пришелъ начальникъ:

— Федотъ Николаевичъ, давайте-ка я сръжу вамъ бороду. На вокзалѣ шатаются мужи-ки, ищутъ...

— Ахъ, сукины сыны...

Начальникъ сръзалъ великолѣпную бороду Бакланова, подстригъ усы.

— Ну, теперь и дѣти васъ не узнають, — сказалъ онъ дыша въ лицо Бакланова перега-ромъ водки. — Какъ только получится повѣстка, я приду, а вы переодѣвайтесь сейчасъ, не забудьте шапку надѣть. — Живите, Федотъ Николаевичъ, поминайте меня — мнѣ уже жизни нѣтъ, человѣкъ я рѣшенный...

— Богъ съ вами! Я знаю, что такое обида, но что-же дѣлать? — Всѣ мы должны, видно, пострадать.

Они крѣпко поцѣловались. Баклановъ уѣхалъ въ городъ на паровозѣ — поѣздъ былъ переполненъ и снаружи и внутри.

На вокзалѣ у него отняли деньги, хотѣли арестовать, такъ какъ у него не было докумен-та, но онъ пришелъ въ дикую ярость, доказывая, что его обокрали...

Онъ шель съ вокзала, испытывая неимовѣрную радость жизни.

II. Нилусъ.

